

Татьяна Богатырёва

ПОСЛЕДНИЙ

КОВЧЕГ

Потрясающий микс саспенса,
фэнтези и романтики.

— Анастасия Ханина,
главный редактор ReadRate

Татьяна Богатырёва
Последний Ковчег

Издательство "Livebook/Гаятри"

2021

УДК 83-34
ББК 84(2)6

Богатырёва Т. С.

Последний Ковчег / Т. С. Богатырёва — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2021

ISBN 978-5-6040082-4-9

Фэнтези-блокбастер, выстроенный по законам кинодраматургии, захватывающая история о взрослении, дружбе, ответственности за близких и первой любви. Среди безбрежного остывающего океана много лет плывет корабль, который спасшиеся на нем люди называют Ковчегом. Жизнь для многих там невыносима. Бесстрашный Дуг и обладающая даром предвидения Ева вместе с друзьями решаются раскрыть тайны корабля. Может ли сломаться вечный двигатель? Что, если поиски суши всего лишь миф и Ковчег давно никуда не плывет? Кто решил, что несправедливость надо терпеть, а на каждый поступок нужно разрешение старших? Автор – Татьяна Богатырёва, писатель, поэт, сценарист, финалист премии «НОС».

УДК 83-34

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6040082-4-9

© Богатырёва Т. С., 2021
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2021

Содержание

1	6
2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Татьяна Богатырёва

Последний Ковчег

Иллюстрации Сергея Ивкина

Издательство благодарит за содействие в приобретении прав литературного агента Анну Сухобок

© Татьяна Богатырёва, текст, 2021

© Сергей Ивкин, иллюстрации

© Издательство «Лайвбук», 2021

1

Настоящий король Ковчега

Высокий задорный голос Учительницы взлетал над маленькими макушками и ударялся о низкий потолок звуконепроницаемой комнаты.

После каждого правильного ответа – дети отвечали хором – Учительница хлопала в ладоши. Стоя за стеклом, Дуг не слышал их голосов, но шевелил губами, вторя каждому слову, – он знал эту историю наизусть.

– Капитан знал о приближающемся наводнении, но разве люди послушали Капитана? Скажите, дети?

– Нет, нет, нет!

– Правильно, дети! Но Капитан был очень храбрым. Разве Капитан опустил руки, когда все стали смеяться над его планом построить Ковчег?

– Нет, нет, нет! Капитан не стал отчаиваться!

– Правильно, дети! Капитану было страшно, он был один против всех! Но он простил глупых людей и сам стал строить Ковчег! А что же случилось потом, кто скажет?

– Он нашел Ученого, который сделал Вечный Двигатель! Да, да, да!

– Правильно, дети! И, когда Ковчег был построен, что случилось потом?

– Глупые люди не послушали Капитана! Глупые люди ругались между собой, даже когда пошел столетний дождь!

– Правильно, дети!

Дуг зевнул. Давным-давно выученные слова проскальзывали сквозь его память, ничем не задевая и не вызывая никаких эмоций. Он знал, что сейчас, после того как дети вместе с Учительницей прокричат: «Слава Капитану!» и «Слава нашему Кораблю», Учительница снова

повторит самые главные слова: «Корабль вечен, как вечен наш Двигатель, ибо мы все – части этого механизма! Слава порядку! Слава Капитану и нашему Кораблю!» Он отвлекся, а когда снова посмотрел сквозь стекло, запирающиеся на время урока двери были уже распахнуты. Дуг пропустил вперед вереницу малышей, спешащих разойтись по каютам, собрался с мыслями и шагнул в опустевший класс.

– Мальчик мой! Как я рада тебя видеть! Я смотрела, как ты повторяешь вместе с нами, и мне было очень приятно наблюдать твою преданность!

Несмотря на возраст, Учительница изо всех сил старалась – возможно, чтобы быть ближе к ученикам, – походить на девочку: кукольное платьице было совсем не новым, мелкие цветочки на нем выцвели, а на боках ткань вообще опасно натянулась и трещала при каждом движении.

Дуг постарался сделать так, чтобы его улыбка выглядела как можно более искренней. У него не получалось, он не умел проявлять гибкость, когда это было нужно, или смеяться, когда было несмешно. Когда он повзрослел, у него хватило ума признать этот недостаток и помнить о нем.

Но все равно ничего не вышло: едва узнав о причине его визита, Учительница вмиг потеряла всю свою наигранную веселость и покровительственное панибратство – кожа на дряблой шее, стиснутая слишком тугим воротничком, пошла красными пятнами.

Стало ясно: она не станет помогать, не будет и пытаться.

Стоило заикнуться о возможном исключении из правил, в ответ он слышал заученное «слава порядку». Если он пытался зайти с другой стороны, в ответ звучали все те же слова о том, как важно каждому заниматься своим делом и знать свое место.

Только зря потратил время. Это не означало полного поражения, но в глубине души Дуг очень надеялся на помощь Учительницы. Оставался последний вариант – дожидаться перерыва и спуститься в котельную.

Узкие коридоры вели вниз, ниже уровня моря, в трюм, где располагались прачечная и котельная, жилые отсеки и отсек переработки морской воды, трубопровод и, наконец, Вечный Двигатель. Там, в жилом отсеке, была каюта, которая служила домом Дугу и маме последние пятнадцать лет.

* * *

Отец Дуга работал в котельной. Его не стало во время Восстания двадцати, Дуг был тогда еще совсем маленьким и плохо помнил отца. Он помнил только, что после Восстания в жизни ничего не поменялось: бунт подавили, виновников наказали, мама продолжала работать в прачечной, они старались по мере сил и возможностей любить друг друга, не давать себя в обиду и хранить свою семейную тайну от посторонних ушей и глаз.

Жизнь текла своим чередом, медленная и тяжелая, как сам Ковчег. Разве только в классе Учительница стала еще больше внимания уделять воспитанию в учениках патриотизма и любви к Капитану, а значит, и к Кораблю.

Дуг никогда не испытывал к Капитану ни ненависти, ни любви. Их учили, что Капитан – кто-то вроде бога, недостижимый и всемогущий творец, которому они обязаны жизнью. Но жизнь была так себе, так что благодарности к Капитану Дуг не чувствовал. Мама научила его молчать, он молчал и старался по мере сил следовать ее совету: «Слушай, смотри, запоминай и молчи».

Все чем-то жертвовали. Отец, который был когда-то солдатом, а только потом в этом новом мире стал оператором котельной, называл это «допустимыми потерями». Когда Дуг повзрослел, он понял, что родителям пришлось пожертвовать многим, чтобы у них была

отдельная каюта. Каюта была необходима для того, чтобы хранить их тайну. То, чем пожертвовали родители, было допустимой потерей.

Теперь, когда Дуг закончил школу и стал взрослым, ему тоже необходимо было пойти на допустимые потери. Учительница помочь не захотела, а мама просто не могла. Оставалось только попытаться попросить помощи у друзей отца, в конце концов они перед Дугом в долгу. За то, что его отец умер, а они продолжают жить. И плыть на Корабле.

Выслушав просьбу Дуга, Старый Том не стал отмахиваться и затыкать уши и пятнами не пошел, а было бы смешно, – кожа у Старого Тома черная, как копоть на стенах: был бы виден на ней румянец или нет? А вот если бы Том побледнел, это бы было видно?

Старый Том смотрел не на Дуга, а на свои руки, рассматривал грязь под ногтями. Потом поднял голову, посмотрел куда-то Дугу через плечо и снова уставился на свои руки.

– Как? – наконец спросил Старый Том. – Как ты до этого додумался, мальчик? Сам или подсказал кто?

Дуг пожал плечами. Да, сам. Что тут такого? Наверняка есть какой-то способ нарушать правила. И наверняка кому-то это уже приходило в голову. А значит, это возможно.

Дуг разволновался. Он репетировал, просчитывал все возможные ходы загодя множество раз, думал, что будет говорить. А вместо этого растерялся и выпалил:

– Она очень больна, ты же знаешь! Я... мне нужно получить работу в медицинском отсеке! Помогите мне!

Старик замахал руками, давая знак немедленно замолчать:

– Тише ты. Ну что как маленький, на людях... Послушай. Дай мне подумать. Пойдем.

Пока Старый Том умывался и собирал вещи, он бубнил себе под нос, сыпал проклятиями. Получалось не злобно, скорее его низкий голос переполняла досада, а еще – тревога. Дуг терпеливо ждал в углу комнатки.

Том долго молчал, до самой развилки, где слева начиналась череда семейных кают, а справа – общая казарма, в которой жил Том. Дуг ждал. Он уже понял, что Том не откажет.

– Конечно, обменяться работой можно. Было бы с кем и на что менять. Это все не так работает, как ты себе воображаешь, и поверь мне, мальчик, за все надо платить. И чаще всего это дорого, дороже настолько, что игра свеч не стоит, понимаешь меня? – Он вздохнул. – А ведь из тебя бы вышел отличный помощник. Мы все думали, что ты пойдешь мне в помощь, я заранее договорился, ради твоего отца...

Дуг пожал плечами. Теперь, когда он вырос, они с Томом почти сравнялись по росту. Старик не отводил взгляд.

– Иди к матери. Вечером зайду, попытаемся что-то сделать.

Где-то за стенами Ковчега бурлил Мировой океан, огромная масса очень холодной воды.

* * *

Мамина кожа обгорела от химикатов, не на всем теле, только на тех участках, что оставались открытыми и незащитными перед ядовитыми парами прачечной: руки – как будто мама носила тонкие пунцовые перчатки, щеки – как будто мамино лицо всегда покрывал нездоровый румянец.

Дуг ее очень любил, помогал как мог, и почти всегда оказывалось, что толком ничем не мог помочь. Про его идею обменяться работой мама ничего не знала. Конечно, со временем (если все получится и Дуг сможет все это проверить) она так или иначе узнает. Но пока так. Мама готовила его к стажировке в котельной, ушивала провалявшуюся в шкафу долгие десять лет форму отца.

Мама волновалась не только о Дуге, о Саше, например, тоже. Саша росла без матери и продолжить работу вырастившего ее отца физически не могла – на трубопровод девочек не

берут. А значит, у Саши был выбор – пойти на ту стажировку, где больше всего нуждались в новых руках. Новые руки нужны были в прачечной, это раз. В помощь ослепшей дряхлой бабушке Агате, это два. Все это было решено и объявлено на последней Проверке.

Мама боялась, что Саша выберет работу в прачечной, чтобы быть ближе к ней и Дугу, боялась не без оснований, потому что Саша, скорее всего, так и поступит, это понимали все – и Дуг, и мама, и Сашин отец. Дуг уже даже успел поссориться с Сашей по этому поводу, вернее ссоры как таковой не было – Саша так упрямо отказывалась обсуждать грядущую стажировку, что было понятно и без слов: она уже все решила. Дуг пробовал спорить, потом плюнул. Пришел вечером домой в каюту и бросил в сердцах, ни к кому конкретно не обращаясь: «Кто придумал эти дурацкие правила!»

Ясно кто – Капитан много-много лет назад. Об этом нельзя было говорить вслух, тем более высказывать недовольство. Мама сразу набросилась на Дуга: везде есть глаза и уши, даже в закрытой изнутри каюте, и все так или иначе всплывет на следующей Проверке.

Правила, какими бы невыполнимыми и неудобными они ни казались, выполнялись безотступно. Даже если они годами дискредитировали себя, их надо было соблюдать. После Восстания, когда много здоровых работников погибло, с работой началась еще большая несуровость и путаница, но менять правила – никто не смел о таком и помыслить!

Дуг знал, что правила нерушимы даже для тех, кто живет наверху. И что даже *там* не смеют от них отступать. Столько, сколько плыл Ковчег, то есть *всегда*, деторождение строго контролировалось, дабы сохранить баланс, не допуская ни перенаселения, ни вымирания колонии. Если душ на Корабле становилось слишком мало, нужно было зачать нового человека, и никто не спрашивал твоего на то согласия. Если слишком много – такого ни разу еще, сколько помнил себя Дуг, не случалось – наверняка бы *они* решили эту задачу. Даже думать противно, как.

При этом у каждого – от мала до велика – на Ковчеге была своя функция и своя роль. С появлением новых людей роли передавались от матери к дочери, к сыну – от отца. Исключения и накладки возникали, но решались они только через Проверки, и зачастую решения эти были абсурдны и практически невыполнимы. Деньгами на Ковчеге не пользовались. Дуг знал о том, что такое товарно-денежные отношения, только из рассказов Учительницы, извращенных бесконечными восхвалениями мудрости Капитана. И от матери немного знал. Только после Восстания и гибели отца она вообще боялась что-либо говорить и рассказывать о прошлой жизни – жизни до Корабля – даже ему, Дугу. Мама только раз осмелилась на отчаянный шаг – пойти против Проверок и выбить их семье отдельную каюту. За что и расплачивалась до сих пор изъеденной кожей и испорченными легкими.

Дугу полагалось после окончания обучения занять рабочее место отца. Все новые люди, окончив общую учебу в четырнадцать лет, уходили на стажировку, теперь уже обучаясь предписанному Ковчегом делу на практике – у своих матерей и отцов. Дуга ждала котельная. Или прачечный отсек на долгие-долгие годы, до самого Прибытия Корабля, если его поколению удастся застать Прибытие.

Любое отклонение от устава, любая махинация, недомолвка или ложь всегда разоблачались в ходе Проверок. В зависимости от тяжести преступления выносился приговор, в самых страшных случаях после наказаний выходило предписание о зачатии новых людей. Это значило, что провинившийся в ходе Проверок был уничтожен.

Потому сейчас Дуг молчал и старался по возможности следить за своим языком. Мама не должна знать, что он твердо решил сделать все, чтобы обменяться работой.

Он долго думал об этом, не один год. Со страхом ждал выпуска из класса Учительницы, потому что одно дело думать о том, что ему предстоит совершить в будущем, и другое – подойти к этому будущему вплотную, когда оно уже стало настоящим и происходит *прямо сейчас*.

Он старался никогда, ни при каких условиях не предаваться страху. Единственное, что помогало в минуты, когда он оставался наедине с самим собой, – это подсчеты всего хорошего, что можно было заметить вокруг. Первое – будь отец жив, он совершенно точно одобрил бы выбор сына. Он бы гордился, что Дуг все делает правильно, пусть это и идет вразрез с другими правилами – проклятыми правилами Проверок, Устава и всего Ковчеха, зато по честным, «правильным» правилам совести и долга, – тут вот как раз Дуг им и следует.

Второе – это, конечно, то, что у него есть близкие и родные люди, которые за него, за Дуга, они на его стороне настолько, что он может не держать все это только в себе – у него есть возможность делиться этим и получать в ответ великое благо человека – понимание, участие, то есть все то, что является полной противоположностью безразличию.

Например, у Дуга была Саша. Которая все знала и была всецело на его стороне. И Дуг ей верил, потому что с самого детства, когда они познакомились и подружились, они условились никогда друг другу не врать.

Был Сашин отец, который тоже знал тайну Дуговой семьи и понимал, почему у него не было никакого другого пути, кроме как нарушить закон. Была бабушка Агата, которая тоже знала. И верила. И скорее бы умерла, чем сдала его Проверкам. Был наконец Старый Том, который не отказал, не побоялся рискнуть и навлечь на себя беду, помогая Дугу, и который, по сути, был последней надеждой мальчика.

Так что он молчал, глядя на то, как мама перешивает ненужную ему форму для работы в котельной, грыз ногти и то и дело вздрагивал, заслышав шаги за выдвижной дверью их каюты, – ждал Старого Тома и старался не сомневаться в том, что все получится. Не могло не получиться.

* * *

Старый Том объявился только спустя час (и этот час показался Дугу целой вечностью), когда мама уже закончила приводить в порядок котельную форму. Позвал Дуга в коридор и сказал, что единственный вариант, который он, уважаемый старик, чье мнение Дуг ни в грош не ставит и слышать не слышит, видит – это отправиться в одно злчное место. И чтобы Дуг даже не думал, что дряхлый всеми уважаемый старик отпустит его туда одного.

– К Королю Ковчеха? – вырвалось у Дуга. Он был так удивлен! Неужели Король Ковчеха существует? И это не сказки жителей низов? Почему же его тогда никто не видел? Все это проносилось у Дуга в голове со стремительной скоростью, такой, что низкий потолок немного поплыл, а стены заплясали.

Старый Том ему, конечно, всыпал за такую бурную реакцию. Дуг слишком горел от любопытства и нетерпения и совсем не обиделся: главное – это ведь почти победа! Старик Том согласился ему помочь! Да еще и буквально только что решила одна из главных загадок детства – легендарный всесильный Король нижнего мира, «истинный капитан корабля», он действительно существует! И не просто где-то, а совсем рядом, рядом настолько, что Том может Дуга к нему отвести!

– Когда мы пойдем? Сейчас? – выпалил Дуг, изо всех сил стараясь успокоиться и подавить нетерпение.

Старый Том покачал головой:

– Пойдем тогда, когда он согласится принять нас, мальчик. И если ты не сотрешь эту глупую улыбку с лица, мы не пойдем *туда* вообще.

* * *

Если Дуг нечасто думал о Капитане (не видел смысла в таких раздумьях, от них только подкатывал к горлу страх и портилось настроение), то Саша – почти постоянно. Хорошо еще, что, когда она повзрослела, многолетние монотонные увещевания Дуга принесли хоть какие-то плоды: теперь Саша ненавидела Капитана молча, а не вслух, как в первый день их знакомства.

Конечно, они видели друг друга и раньше, ходили в один и тот же класс в рекреации обучения, но общаться им не доводилось. В том возрасте было принято недолго любить девочек, а уж дружить с ними и вовсе считалось дурным тоном. Мальчишки с ними воевали. А Саша даже среди девочек казалась изгоем из-за своей внешности. На всю половину их рекреации Саша была такая одна: глаза у нее были как две щелочки, а зрачки черные-пречерные, было непонятно, где кончается зрачок и начинается радужная оболочка. Как два уголька между будто бы вечно сощуренными глазами. И волосы цвета почти такого же черного, как глаза, жесткие и прямые.

Когда Дуг однажды повторил дома в Сашин адрес обидную фразу, услышанную в классе от других мальчишек (а к Саше какие только прозвища не прилипали – и чучело, и урод), мама его неожиданно здорово отругала. И даже рассказала отцу. Отец ругаться не стал, а поведал Дугу, что Саша совсем не урод и вовсе ничем не болеет – ее внешность называется «азиатская». Раньше, до Ковчеха, была целая национальность таких людей и занимала она больше чем половину света.

Еще отец рассказал, что люди, которые жили раньше, часто ссорились из-за внешности и национальности, вообще жившие на Земле люди не любили и боялись почти всего, что как-то отличалось от того, к чему они привыкли и что знали.

Папа рассказал о страшной войне конца прошлого тысячелетия: одно государство на материке, который назывался Евразией, решило истребить несколько народов, чья кровь казалась жителям этой страны неправильной и чуждой. Они строили тюрьмы, в которые насильно отводили людей этих неправильных, на их взгляд, национальностей, забирали их земли, убивали этих ни в чем не повинных людей просто из-за того, что они выглядели иначе.

В конце концов в эту историю ввязались почти все страны с разных материков, и миру чуть не пришел конец. Это называлось Вторая мировая война, и в школе на Ковчехе об этом не рассказывали. Им вообще мало рассказывали о прошлом Земли.

После этого разговора с отцом Дуг совсем другими глазами посмотрел на роль, которую он играл в мальчишеском коллективе. Он задумался о том, как опасно пойти на поводу у большинства: ведь между мнением большинства и тем, что правильно, совсем не обязательно может стоять знак равенства.

В результате этих умозаключений Дуг потерял свое положение в общих играх, обычно довольно уважаемое и высокое. А вскоре случилась страшная трагедия – Восстание, папа погиб, и оказалось, что тот вечерний разговор о прошлом Земли и ответственности за свои поступки каждого отдельно взятого человека был для Дуга и его отца последним.

Получилось, у Дуга и Саши было кое-что общее: Дуг лишился отца, Саша потеряла мать в таком раннем детстве, что даже не помнила ее и только с чужих слов знала: мама была азиаткой. Да другого варианта и не было, на отца Саша внешне совершенно не походила. При этом ее отец работал в «трубах», что тоже не шло на пользу Сашиной репутации. Ее не любили ни мальчишки, ни девочки, ни даже Учительница.

«Азиатская» девочка отвечала им полной взаимностью – она часто ввязывалась в драки, и у нее не было ни одного друга. Казалось, что она в друзьях и не нуждается.

Дуг проникся к ней симпатией настолько, что стал забывать о том, что в реальной жизни они почти не знакомы и даже разговаривали от силы пару раз в жизни. Потому, когда однажды

вечером, почти перед самым отбоем, Саша вдруг стала вымещать свою злость на памятнике Капитану, он, не задумываясь, кинулся к ней.

Саша пинала ногой угол постамента и кричала тонким голоском, что когда-нибудь вырастет большой, поднимется наверх и своими руками убьет Капитана. А перед тем как убить, она ему все-все расскажет – все то, до чего ему, противному, гадкому и глупому дураку, нет никого дела. И еще, перед тем как убить, она заставит его спуститься вниз и увидеть все своими глазами.

Ее кожа покраснелась, короткостриженные жесткие волосы (в тот год всех, кому от пяти до пятнадцати, остригли, потому что распространились вши) стояли дыбом.

Дуг так испугался, что кто-нибудь услышит брань, которую она выплескивала на статую Капитана, что совершенно забыл о том, что они с Сашей незнакомы – кинулся к ней, стараясь оттащить оттуда как можно быстрее и успокоить, пока не случилась беда. После Восстания Проверки велись с особой тщательностью.

Саша уже тогда, в свои детские годы, ничего не боялась. Она обрушилась на Дуга с энергией вдвое больше той, что двигала ею во время криков на статую Капитана. Прежде чем Дуг сумел оттащить ее в тень, подальше от ламп, она успела укусить его и вырвать клочок волос.

Так началась их дружба.

И вот теперь, когда они наконец окончили учебу в детском отсеке, Саша хотела пойти помогать его маме. Ее узкие ладони покроют вечное воспаление и краснота, глаза будут слезиться от испарений. А все потому, что Дуг – ее лучший и единственный друг на Ковчеге, потому что Саша знает все его тайны и все сделает, чтобы ему помочь.

– Ну и вонь там, у прачек, скажу я тебе! – она старалась говорить весело, но Дуг знал, что ей страшно.

Точно так же, как и всем, кому уже исполнилось четырнадцать, и даже больше, чем им, – им-то просто страшно начинать тяжелую, омерзительную с детства работу, тут даже стажировка не нужна. Каждый, сколько себя помнит, на примере родителей прекрасно видит и знает, как быстро пропадет здоровье и иссякнут силы, как только они начнут по-взрослому обслуживать Ковчег в котельных, кухнях, прачечных и на фермах. И как страшно знать, что у тебя нет и не может быть никакого будущего, кроме как из года в год делать одно и то же, да разве что верить в Прибытие и в то, что удастся до него дожить.

А ей в довесок к этому общему страху, который витает в воздухе так, что становится почти осязаем, страшно за Дуга, потому что Саша знает его план. Знает и поддерживает – и с готовностью к нему бы присоединилась. Дуг это предвидел и убедил Сашу, что вдвоем они уж точно привлекут к себе внимание. А еще он взял с Саши слово, что она будет помогать матери и хранить их семейный секрет, если с ним что-нибудь случится.

– Давай не будем это обсуждать, ладно? Ты расскажешь, как все прошло с нашим добрым стариканом? Он тебе поможет?

– Конечно расскажу! Но не сейчас.

Она сразу поняла по его интонации, что с Томом все прошло отлично и он согласился помочь. Заговорщически подмигнула. Потом ее лицо снова помрачнело.

– Слушай, мне после этих всех прачечных экскурсий так тоскливо... Что, если мы сегодня пойдем «погулять»?

Дуг хотел было сказать, что сейчас это совсем некстати – очень опасно попасться перед встречей с Королем Ковчеха, подставить Старого Тома. Но ему и самому хотелось отдохнуть от каюты, поболтать по душам, точно зная, что их не услышат. И он коротко кивнул, не поднимая глаз от коробки с кашей.

Саша знала рекреацию трубопровода как свои пять пальцев, и ключ доступа у нее был, папин. Если подумать, то это совершенно неприглядное и вызывающее отвращение место было чуть ли не самой свободной от Проверок зоной. Все боялись крыс. Саша не боялась ничего. Она

была единственной девочкой, которая относилась к зоне трубопровода спокойно. Она пожимала плечами и скидывала брови: «О, да ладно. Бывают места и помрачнее, это мы их просто пока не видели».

Потому последние годы они с Дугом временами уходили ночевать в трубопровод. Эти короткие небезопасные ночевки неизменно поднимали настроение обоим. Саше нравилось все, что было хотя бы косвенно связано с риском и нарушением устава, Дугу нравилось, что у него есть тайное, только его личное убежище, где он может хотя бы иногда быть самим собой. Может отдохнуть от душной каюты и семейной тайны.

Спустя час после отбоя, сразу после последней Проверки (самое безопасное время: бдительность ослаблена, люди приходят в себя от печальных последствий только что завершившейся взбучки), они незаметно выскальзывали из кают и, встречаясь в условленном месте, в темноте крались к отсеку трубопровода. Забирались в широкий обрезок трубы и, перепачканные рыжей ржавчиной, говорили обо всем на свете: о том, что страшно было произносить днем при людях, или о том, о чем страшно было думать про себя, – а когда говоришь вслух в пустом цехе, где только тараканы да крысы, а еще твой лучший друг, как-то само собой можно свести все к шутке, посмеяться над собственными страхами. Конечно, потом все равно придется вернуться обратно в каюты, но зато можно будет вспомнить, как храбро они смеялись над своим будущим, и это ненадолго, но поможет.

За пару часов до подъема они возвращались и потом клевали носом целый день до отбоя, довольные и наполненные светом своего темного «убежища».

Все испортил маленький поганец Пип, который не так давно до того распоясался, что обозвал Сашу с Дугом женихом и невестой. Дуг ожидал, что подруга кинется на безобразника с кулаками. Но Саша почему-то покраснела, загрустила. А спустя какое-то время, когда пора было уже в очередной раз навеститься в «убежище» и успокоить друг друга перед грядущим выпуском из школы, неожиданно заартачилась и заявила, что ей больше не нравятся эти прогулки.

У мамы причину такого странного поведения Саши узнать было невозможно – Дуг мог ляпнуть лишнее и ужасно расстроить маму тем, что они с Сашей рискуют и нарушают правила, шляясь ночами по низам Ковчеха.

Тогда Дуг решил спросить совета у Старого Тома. Но тот только развеселился да стал смеяться и выдавать какие-то глупости насчет того, какой Дуг молодец и орел, и что папа бы им гордился. Да еще и остальным в котельной принялся рассказывать, какой Дуг удачливый и завидный кавалер.

Дуг списал это странное поведение на старость Тома.

Но теперь проблема решилась сама собой: Саша первая завела разговор о ночной прогулке. Дугу показалось, что это добрый знак: вдруг удача наконец решила побыть на его стороне? И с Королем Ковчеха удастся так же мирно договориться, раз сама собой уладилась странная размолвка с Сашей.

По крайней мере, он заставил себя в это поверить.

* * *

Они лежали головами друг к другу, прислонив ноги к покатым стенам трубы.

– Дуг, это обалдеть просто что такое! Боже мой... Король Ковчеха – живой, настоящий... Это же, это, ну не смейся, кумир моего детства. Только он один мне и помогал. Вера в него...

– Я думал, это я тебе помогал, а не вера в детскую сказку. Кстати, хорошо перемешанную со сказкой про Робина Гуда и короля Львиное Сердце.

– Ой, отстань! Дай насладиться хоть чем-то хорошим после этих мерзких прачечных-парных. По мне, трубы много лучше, так нет же – эти дураки не дают женщинам работать в папином отсеке, ха! Как будто в прачечной я заболею позже, чем на трубах...

– Саша!

– Черт! Прости, Дуг. Я ничего такого не имею в виду. Там не так уж и мрачно, в этих ваших поганных прачечных. Главное, чтобы не поставили в красильню, вот там да, но твоя мама же не в них, а я буду там, где она...

– Почему ты никогда не можешь сделать так, как тебя просят? Нарочно, что ли? И мама, и твой отец, и Старый Том, и я – мы все хотим, чтобы ты пошла работать к бабушке Агате... Неужели так трудно нам уступить?

– Дело не в этом, Дуг. Как тебе объяснить... Я всю жизнь должна подчиняться. Всем этим правилам, Проверкам. А я хочу решать хоть что-то *сама*. Чтобы... неправильно, и я сама это знаю, но зато я это *сама* выбрала. Понимаешь?

– Понимаю. Хотя нет, не очень. Не понимаю, как ты умудряешься только и думать, что о себе...

– Не только о себе... Да ты не поймешь.

– А ты объясни!

– Да нет, не стоит. Обойдусь как-нибудь и без твоего понимания.

Саша села и отвернулась, вперившись злыми глазами во тьму ангара.

– Прости... Прости, Саша.

Дуг совершенно по-дружески попытался обнять ее за плечи, но Саша скинула его руку. И снова покраснела, совершенно так же, как когда Пип начал обзывать их женихом и невестой. Даже бледного света фонарика хватило, чтобы разглядеть, каким румяным стало ее лицо.

– Ой, не трогай меня со всеми этими сантиментами. Ведешь себя как девчонка!

– Сама ведешь себя как девчонка!

Атмосфера заметно разрядилась. Дуг снова лег, почувствовал спиной сердце Корабля, гудение Вечного Двигателя где-то под ними.

– Тебе тут Старый Том подарок передал. Они с мужиками сделали. Ты же у них единственная девочка в компании. Наша общая дочь.

– В честь чего подарок?

– Да на выпуск.

– Было бы что праздновать.

– Ну как хочешь.

– Да нет, давай сюда свой подарок, ладно уж.

Дуг вытащил из внутреннего кармана браслет. Детальки они взяли у механиков, а потом Старый Том сам выцарапал на нем узоры. Ворчал, жаловался на плохое зрение и артрит, но на самом деле было видно, как ему нравится готовить Саше подарок.

Мама, узнав о подарке, пожертвовала для браслета бусинки, которые сохранились у нее со времен жизни вне корабля. Бусинки были бирюзовыми, как море, – камень, из которого они были сделаны, назывался бирюза. На металлической отполированной трубочке Том вырезал для Саши волны, над ними летали маленькие чайки, а среди волн плыл Ковчег, плыл навстречу острову, на котором виднелись горы и совсем крошечные палочки – деревца на берегу.

Дуг так увлекся разъяснением и описанием этих самых деревьев на острове, держа браслет на ладони и освещая его фонариком, что не сразу заметил, что Саша сидит к нему спиной и совершенно его не слушает. Он рассердился – он ожидал если не благодарности, то радости. Мама сказала, что это будет отличный талисман на удачу, его можно будет носить под рукавом, не вызывая внимания Проверок. Мама даже говорила, что раньше, до Ковчега, наоборот, считалось, что чем больше у женщины украшений, тем это лучше и тем она счастливее!

Он сидел дурак дураком с дурацкой самодельной безделушкой на ладони, а его подруга, вместо того чтобы говорить с ним, радоваться встрече, утешать его, в конце концов, повернулась к нему спиной так, как будто он снова был непонятно в чем перед ней виноват! Как будто это он, а не трусливый Пит, напевал ту песенку!

Друг уже было открыл рот, чтобы высказать все, что он думает, но вовремя остановился. Опять у него эти проблемы с эмоциями и с гневом! Завтра начинается новая, опасная жизнь, его ждут Король Ковчеха, нарушение закона, важная работа в медотсеке наверху. «Пора бы уже тебе повзрослеть, ничтожество несчастное», – мысленно отругал он себя и постарался просто тихо посидеть и подождать, что будет дальше.

Хотя, конечно, вот так запросто терять время на непонятные выяснения отношений было обидно. Им уже скоро брести обратно по каютам, а они сидят, как два врага, и молчат. Дуга вдруг осенило. Он осторожно тронул подругу за плечо:

– Ты не хочешь смотреть на подарок, потому что мы вырезали на нем... потому что там Земля?

Саша молча кивнула, все еще продолжая сидеть к нему спиной.

– Прости. Веду себя, как дура.

Дуг выдохнул с облегчением. Понимать людей не так сложно, как сначала кажется, стоит только успокоиться и поставить себя на место этого человека. Как, кстати, всегда и советовала ему мама. Ну конечно! Саша сидит спиной к нему совсем не потому, что обиделась и злится, ей, скорее всего, самой неудобно за такое свое поведение. И совсем не хочется выплескивать кучу своих страхов и мыслей на него, потому что и так сейчас очень важные и напряженные времена. Дуг улыбнулся. А так-то да, он знал ее столько лет и так хорошо, что вполне мог поставить себя на ее место и примерно отследить ход ее мыслей.

Саша ненавидит Ковчег. Он столько лет призывал ее к тому, чтобы она хотя бы на время заставляла себя забыть о Капитане, бесконечном плавании, правилах и Ковчеге, чтобы можно было хоть как-то спокойно жить или хотя бы делать вид, что живешь... А теперь сам сует ей под нос украшение, где они изо всех сил старались изобразить Прибытие, окончание поисков и Землю. В которую Саша не верит.

И все это она не хочет вываливать на своего друга, потому что тоже учится быть взрослой.

– Эй ты, чего скис? Опять ведешь себя как девчонка. Ладно, давай сюда свой браслет. Все равно в прачечной нельзя будет его носить...

Гармония и мир внутри ржавой трубы, внутри пустого ангара, внутри спящего трюма, внутри плывущего Корабля были восстановлены.

* * *

К Королю Ковчеха они отправились втроем. Саша ни в какую не соглашалась дожидаться Дуга в каюте. Старый Том ни в какую не соглашался брать с собой еще и Сашу и чуть все не отменил.

– Ты думаешь вообще, что ты творишь? – сердился он. И сердился совершенно справедливо.

Но у Саши, видимо, произошло помрачнение ума. Она намертво стояла на своем, и ни угрозы, ни ссоры, ни уговоры целых двух человек – почтенного старика и дорогого (по идее!) друга – не помогали.

– Я должна *его* увидеть. Я пойду с вами, – снова и снова твердила она.

Том пригрозил было, что расскажет все Сашиному отцу, но она справедливо заметила, что Старый Том не станет так подставляться. Ведь с позиции взрослых, а уж тем более родителей, виноват-то будет как раз Том!

– Потрясающая наглость! Ты с кем вообще так разговариваешь! – бушевал Старый Том.

Нервы у всей троицы были уже на пределе.

– Зачем? Зачем тебе туда идти? Ты ничем не сможешь нам помочь! – не понимал Дуг.

– А на тебе свет клином, знаешь ли, не сошелся! – со слезами в голосе кричала Саша. Саша, которая в отличие от всех девчонок, которых когда-либо в жизни видел Дуг, была совсем, ну просто совсем не плаксива. – Я хочу туда! Хочу его видеть! Это мой кумир, моя мечта. Все вокруг тебя только и вращается... а я, а у меня? Должно же быть ну хоть что-то, ну хоть капельку хорошее, – закончила она совсем тихо, и Дуг испугался, что вот прямо сейчас Саша возьмет и разрыдается.

Дуг помнил, как рыдала мама. Ничего страшнее в жизни ему видеть не приходилось. Даже папина смерть блекла на фоне этих безудержных, полных мольбы и отчаяния всхлипов.

Он сам уже чуть не плакал. Где-то в глубине сознания носилась мысль о том, что с Сашей вот тоже что-то совершенно неладное творится. «Точно надо мне в медицинский отсек», – только и смог подумать Дуг.

И ведь они ей совершенно не враги, чтобы так, чуть не с кулаками на них кидаться. Чем они такое заслужили? Чего она так на все реагирует? И на подарок, и теперь еще на это...

– Я придумал выход, – в конце концов нарушил тягостное молчание Том. – Вам, дети, следует узнать, что такое компромисс. Ты пойдешь с нами, но и ты нам уступи. Сделай для нас тоже что-нибудь не совсем тебе приятное. А именно – иди работать не в прачки, а к бабушке Агате.

Дуг был уверен, что Саша снова раскритится. Но она успокоилась, напряженно всматривалась какое-то время в морщинистое темное лицо присевшего перед ней на корточки – как будто она совсем маленькая – старика. И решительно кивнула.

* * *

После ужина они сделали вид, что идут в каюту к Дугу, нарочно громко и оживленно обсуждая какие-то там детальки конструктора, которые якобы изобрел Старый Том, а сами встретились с худым, мрачным, перепачканным мазутом парнем, которого Дуг раньше никогда не видел – явно не из их рекреации. Парень шел впереди, на расстоянии пятнадцати шагов, и незаметно провел их в свою рекреацию. Он ничего не говорил и пресекал все попытки вывести хоть что-то, хотя Дуг просто сторал от любопытства – ясно же было, что парень работает где-то неподалеку от Двигателя. Это логично: он весь в масле, неместный, а Король Ковчега – ну все легенды про него так или иначе упоминают о том, что у него везде есть свои люди, про которых ни в жизнь не догадаешься, что они работают на него.

Они спустились на уровень ниже.

Потом парень неожиданно остановился и совершенно серьезно заявил, что они должны завязать глаза. Иначе дальше не пойдем, и ничего смешного в этом нет. Мол, завяжут себе глаза, немного попетляют под его руководством, и он передаст их «своему человеку», который и доставит их в лучшем виде к Королю Ковчега.

Дуг было прыснул, но обернулся на Сашу и Старого Тома. Тот был напуган, и это было видно. Саша дрожала от нетерпения и была готова, кажется, связать себе руки и ноги и так вот двигаться дальше, лишь бы собственными глазами убедиться, что *Король дна* существует.

Как только странный проводник повязал ему на глаза темный засаленный платок, Дуг сразу ощутил себя неуверенным и уязвимым. Наплевав на все, он крепко схватил за руку Старого Тома и постарался представить, что все это уже кончилось. Не получилось. Тогда Дуг представил, что рядом с ним идет не Том, а отец.

Потом они на ощупь спускались куда-то вниз, а потом, кажется, после того, как какое-то время петляли коридорами, снова наверх.

– Нарочно путает, чтобы не смогли, если что, указать дорогу, – шепнул Том.

Парень остановился, Дуг было испугался, что он услышал шепот Тома и передумал дальше их вести. Но оказалось, что он просто привел их к следующему проводнику.

Дуг сам снял повязку, и первое, что он увидел, это знакомую и родную Сашину спину и затылок уже без повязки. Потом повязку снял и Том.

Перед ними стоял человек, всеми силами, видимо, старавшийся выглядеть как можно более устрашающим головорезом. Одежда у него была такая же ветхая, как и у них, но нарочито не имела никаких признаков принадлежности к той или иной рекреации. Руки выдавали в нем рабочего. По шее тянулся мерзкого вида белый шрам, другой – не такой толстый и выпуклый – шел от виска по скуле и на щеке становился почти невидимым. И стоял он так, будто всей своей позой говорил о том, что его эти шрамы вовсе не уродуют, а, наоборот, украшают.

Картину довершала вставленная в ухо – как у девочки! – серьга. Ну и позер, решил Дуг. Наверняка страшно гордится, что работает на Короля Ковчег. На вид дядька был младше Сашиного папы и остальных рабочих, так что вряд ли он уж очень какую-то важную должность при Короле занимает.

– Я отведу вас к Королю Ковчег, – насмешливо протянул он. – Кто из вас храбрый мальчик по имени Дуг? Ты, я полагаю? – И он ткнул грязным пальцем в грудь Дугу.

«Ну и мерзкий же тип», – подумал Дуг. Не скрывая своего отвращения, он вскинул голову:

– Да, это я.

– А это, надо полагать, твоя свита? Старик и девчонка?

– А ты, надо полагать, его шестерка? – в тон ему ответил Дуг, выпячивая грудь и бессознательно выходя вперед, прикрывая собой Сашу и Старого Тома.

– Ну допустим, – засмеялся незнакомец. – Король любит смелых. Мальчик по имени Дуг, скажи мне, прежде чем мы пойдем, ты – смелый?

– Не очень, – неожиданно для себя сказал Дуг.

– Это хорошо, мальчик Дуг. Король любит честных.

– Давайте пойдем уже! – не выдержала Саша.

– А тебе зачем понадобилось идти к Королю? – Незнакомец цепко и внимательно всматривался в Сашу, отчего Дугу стало неудобно. Может быть, прав Старый Том, и они совершают большую ошибку, ввязываясь во всю эту историю?

Дуг уже открыл было рот, чтобы ответить за Сашу, но она выпалила на одном дыхании:

– Потому что я его люблю! И хочу увидеть. Просто чтобы убедиться, что он существует! Незнакомец неприятно улыбнулся.

Старик Том молчал, напряженно всматриваясь в кривляющегося парня, который продолжал выделываться и явно никуда не спешил.

– Ты отведешь нас к нему? Или мы тут просто теряем время? – сказал Дуг, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более уверенно и дерзко.

– Пожалуй, что и отведу. Но прежде мы переместимся в какое-нибудь более безопасное и приятное место и немного потолкуем. Видите ли, у Короля нет возможности разбираться со всеми подряд, и мне, его верному псу, полагается задать вам, храбрые путники с верхов, пару-тройку вопросов.

Дуг хотел было возмутиться, он уже устал нервничать и бояться, и внутри у него осталось только раздражение и желание как можно быстрее все это пережить и снова оказаться наверху, в привычной обстановке, а желательно, вообще, в своей каюте. Но Старый Том остановил его, сделав знак глазами, и – о ужас! – рассыпался в покорных благодарностях.

– Ты чего? – спросил Старого Тома Дуг, когда они наконец в обновленном составе продолжили петлять, двигаясь неизвестно куда.

– Я ничего, а ты возьми себя в руки и не строй героя. Говорить буду я, а ты молчи в тряпочку. И следи, чтобы твоя подружка вконец не ополоумела и не побежала искать Короля сама.

Саша и вправду уже шла рядом с их новым знакомым, подстраиваясь под его легкий размашистый шаг.

– Скажи, какой он? – говорила она.

Проводник медлил с ответом, на ходу продолжая изучать Сашу и как будто что-то прикидывать. Дуг постарался прибавить шаг, чтобы идти вровень с ними, но получалось, что все равно немного отставал. По крайней мере, ему были слышны обрывки разговора, и он уже чуть ли не сам прыгал на месте, желая поторопить Старого Тома.

– Ты часто его видишь? Я бы хотела увидеть его близко, спросить, что он любит, а что нет. Спросить: если ему удастся убить Капитана, как он это сделает?

– Ты думаешь, что Капитана следует убить?

– Конечно да!

– И ты не боишься говорить об этом?

– Я ничего не боюсь.

– Как интересно.

Они снова свернули, и проводник открыл, казалось бы, намертво отсыревшие и сросшиеся двери, ведущие в ангар. Здесь шум Двигателя ощущался сильнее. «Значит, мы где-то близко», – подумал Дуг.

Проводник по-хозяйски присел на один из грязных ящиков и потер руки:

– Ну, вот теперь потолкуем.

Но начал он почему-то совсем не с Дуга и не с его просьбы к Королю Ковчега, и даже не с того, откуда им вообще удалось узнать, где именно следует искать Короля Ковчега, – что, как полагал Дуг, было бы как минимум логично, – а с Саши.

– Скажи мне, ты дуручка или тебе совсем нечего терять?

– Ни то и ни другое, – пожала плечами Саша. – Я могла бы сказать тебе, что я пришла, чтобы защитить Дуга, но это было бы неправдой. Кстати, тебя я совсем не боюсь, и можешь тут нас не запугивать, устраивая игры в допросы. Я скажу тебе так, Король обязательно поможет Дугу, если ты перестанешь ломаться и дашь ему с ним повидаться! Потому что Король Ковчега всегда помогает тем, кому нужна помощь. И он за справедливость. Он один во всем этом проклятом водоплавающем гробу не боится Капитана! И ему точно понравится Дуг, потому что он самый порядочный и смелый из всех, кого я знаю!

– Вот это речь! Я поражен. Нет, я даже растроган. Какие глубокие познания жизни, Капитана, Ковчега и Короля. Боюсь, я расклеился от твоих слов, храбрая девочка. Твой папа-труботер научил тебя такому высокому слогу?

Дуг хотел было открыть рот, чтобы спросить, откуда ему известно, что Сашин отец работает в трубах, но Саша снова успела его опередить.

– А я ничего не боюсь и тебя не боюсь уж тем более! Король Ковчега наверняка будет на тебя очень зол, если ты нас к нему так и непустишь. Мне было страшно и тяжело, но я всегда верила в него. Верила, что он существует, и ты, ничтожество, ничего не сможешь мне сделать!

– Не смогу, – неожиданно легко согласился проводник.

Он продолжал сидеть на ящике, в то время как Саша подошла к нему вплотную, сжав кулаки, а Дуг стоял, неосознанно заслоняя собой Старого Тома.

– С тобой все понятно, храбрая девочка-фантазерка. Что же скажет мне загадочный мальчик Дуг?

– Я привел его потому... – начал было Старый Том.

– Сядь, старик. И дай мальчику самому сказать.

Дуг вышел вперед.

– Ты мне не нравишься. И Король Ковчега не нравится мне тем более. По мне, так он не более чем трус, отсиживающийся где-то в тени, пока творятся страшные вещи. Я никогда не верил, что он вообще есть. Но если это так, и если у меня есть шанс получить его помощь, то... то я готов на любую сделку и могу отдать что угодно за его помощь.

– Зачем тебе нужен обмен работой? О, нам все известно, сердитый мальчик Дуг.

Дуг посмотрел прямо в смеющиеся глаза. Он стоял, и потому у него получалось смотреть сверху вниз, и это придавало ему решимости.

– Потому что моя незаконнорожденная сестра тайно живет в нашей каюте, она болеет, и я должен суметь обеспечить ей медицинскую помощь так же, как обеспечивал все эти годы безопасность и еду.

Старый Том грязно выругался и тяжело опустился на ящик. А прислужник Короля Ковчега запрокинул голову и хохотнул:

– О, мы знаем, что у тебя есть сестра, честный мальчик Дуг. Мы знаем многое, если не все. Считай, что, если бы это была проверка, ты бы ее прошел.

– Так ты отведешь меня к нему или нет? Он мне поможет? – не выдержал Дуг.

– Он поможет. Напрасно вы, дети, стараетесь убедить меня в справедливости и правильности своих действий. Беспринципность Короля Ковчега равна только его подлости. Он поможет, если вам будет что ему предложить.

– Не смей говорить так о нем! – топнула ногой Саша.

– И тем не менее говорю. Наш многолетний морской вояж давным-давно стер все представления о добре и зле, вернее вышел за грани этих понятий. Король поможет получить работу в медотсеке, только что же ты дашь ему взамен?

– Что угодно, – тихо и твердо сказал Дуг.

– Совсем что угодно? Даже ее? – Он указал пальцем на Сашу. – Или старика? Будь честным.

– Нет! – крикнул Дуг. – Конечно нет! Что угодно, от чего пострадаю только я. Не мама и не они.

– На том и порешим, мальчик Дуг. Что ж, какой бы познавательной ни была наша беседа, время не ждет, и нам пора отправляться в путь. Не забудьте надеть повязки, мне слишком лениво снова водить вас ложными маршрутами, так что я планирую срезать путь.

– Наши имена ты знаешь, а как нам называть тебя? – спросила Саша.

Проводник встал, легко склонившись в шутовском поклоне:

– Меня зовут Лот. Но более известен я как Король Ковчега.

2

Цех питания

Больше всего раздражало то, что воду – большую ценность даже здесь, наверху, – надо было экономить. И потому каждую плошку, кастрюльку и тарелку необходимо было обдавать из шланга струей песка. Песок потом проходил вторичную обработку и снова возвращался в проклятые шланги.

Каждый день Дуг чистил песком бесконечные тарелки, держа шланг двумя руками, потому что от напора трубка извивалась, как оживший змей, и засыпала песком все подряд, только не тарелки. Песок был мелкий и сыпучий, он забивался под одежду, волосы, ногти и даже в уши. Двенадцать часов в день Дуг мыл тарелки песком, а время шло, и медотсек не становился ближе.

Все, что смог предложить ему хвастливый пустозвон Лот, Король Ковчега, – место в цехе питания. В медотсек готовили с детства, следили зорко, об этом Дуг не знал, не учел. Но все равно очень злился на Короля Ковчега.

Сначала он утешал себя тем, что сможет осторожно выносить еду из цеха питания, но и тут его ждало разочарование. Ни на кухню, ни в залы к официантам ему доступа не было. Он только мыл, и мыл, и мыл тарелки, отскребал от них остатки и поливал душем из песка. Собирать объедки он брезговал.

– Могло быть и хуже, – утешал Старый Том.

Глядя, как день ото дня все больше сдает старик, как тяжело ему управляться в котельной, Дуг еще больше сомневался в правильности своего решения. Шел бы в котельную: если есть возможность помогать Тому, надо было бы ее использовать, так-то по-хорошему. Ведь уходить в отставку по причине болезни и старости было не принято, и по правилам Проверок

Тому предстояло выходить на работу до тех пор, пока он однажды не упадет замертво. Детей у него не было, потому вариант, подходящий для других – когда твои дети берут на себя большую часть нагрузки, – отпадал.

Каким разочарованием оказался легендарный бандит трюма! Теперь, задним числом, Дуг понимал, что его просто взяли на понт – они не могли знать о его сестре. Заболтал да и выведал, а теперь в случае чего может разыграть эту информацию и обернуть ее против самого Дуга и его родных. Для Короля Ковчега люди трюма такой же расходный материал, так же и обитатели верхних палуб к ним относятся.

Помог Дугу он в кредит, то есть мало того, что Лот теперь обладал информацией, так за Дугом еще и оставался должок. Чем он может сейчас долг отдать? Песком и тарелками?

Саша тем не менее пришла в дикий восторг и чуть не осталась там у Лота насовсем. Мерзкий тип заинтересовался Сашей, и пока она изливала на него потоки восторга и чуть не брала отпечатки его пальцев в качестве автографа, Лот предложил ей работу. Сам. Указал на ее необычную внешность: мол, это очень ценно, в интересах революции. Она может здорово помочь и здорово подняться, если пойдет работать в бордель.

Что за отсек такой, этот бордель, ни Саша, ни Дуг не знали, но Старый Том неожиданно пришел в бешенство и чуть не полез на Лота с кулаками. Это потом, дома, он объяснил, что бордель – самое грязное и отвратительное из всего, что придумало человечество, ну если не самое, то уж точно одно из. Там использовали женские и мужские тела для соития так же, как мужья любят своих жен, а жены – мужей, но не для размножения, а за плату и за услуги. Саша была шокирована, Дуга же чуть не вырвало. Неужели так можно поступать с живыми людьми? Как не противно-то?

Саша выполняла свои условия сделки – работала помощницей бабушки Агаты. Злилась побольше Дуга. Сказала ему как-то в сердцах, что лучше бы вообще не знать, что Король Ковчега существует, чем встретить его – таким.

Дуг поливал песком тарелки. Разнообразие объедков, налипших на посуду, раздражало. В низах питались протеиновой кашей, здесь же Дуг впервые узнал, что такое мясо, – на фермах, где растят населявших когда-то землю птиц и животных, периодически их убивают, чтобы люди верха могли их съесть. Когда он об этом узнал, его передернуло еще больше, чем когда он узнал о борделях.

Вот он, новый, взрослый мир Ковчега. После отбоя его мелко трясло от непривычной усталости, он так сильно хотел спать, что не мог заснуть, и поднимался в цех питания снова и снова, невыспавшийся и разбитый. «Вот почему взрослые больше не сражаются, – думал он. – Все ходят утомленные и одурманенные непосильным трудом, и нет никакого желания даже думать о восстании».

Одна мама была довольна: мойка в цехе питания убивает медленнее, чем печи в котельной.

Время шло. Медотсек не становился ближе. На ночевку в трубопровод они больше не ходили – не было ни желания, ни сил.

В первый день своей стажировки Дуг боялся посмотреть в глаза сестре. Он так ее подвел! – Все нормально, – уверила его Ева и протянула ему свою узкую ладошку. – Не надо рассказывать, ты очень устал. Покажи, как там было.

Дуг крепко сжал ее руку и мысленно представил себе весь прожитый им первый день на верхних палубах: звуки, запахи, ощущения и обрывки слов. Ева смотрела, закрыв глаза.

– Теперь я вижу.

Дуг не любил, когда она так делала, не любил и боялся. Чужие образы и мысли не умещались в голове Евы, у нее усиливались головные боли, закатывались глаза так, что не видно было зрачков, и всякий раз она долго не могла вернуться к ним, в каюту. Но он старался не отказывать сестре даже в мелочах.

– Мне не нравится этот Лот. Будь осторожен, Дуг, он задумал что-то недоброе. Он может навредить Саше, – горячечно шептала она.

И Дуг верил. Ева никогда не ошибалась. Чувства, переполняющие его всякий раз, когда он думал о сестре, были противоречивы, но неизменной была бесконечная, безусловная любовь к этому хрупкому существу. Конфликт чувств был только в том, что Дуг одновременно ощущал себя и старшим братом, единственным защитником, и маленьким, неразумным и беспомощным малышом. Хотя Еве было всего одиннадцать лет, у нее будто бы вообще не было возраста.

Весь Ковчег против нее – по реалиям нового, водного мира Евы вообще не должно было бы быть. Но она есть, и она прекрасна.

* * *

Чем старше становилась Ева, тем больше умений, недоступных окружающим ее людям, открывал в ней Дуг и она сама. Ева могла смотреть чужие сны так же, как смотрела через объятия чужие воспоминания и мысли.

Поначалу, когда она рассказывала Дугу, что умеет гулять по кораблю, выходя из своего маленького, навечно запертого в каюте тела, он не поверил. Сердце его сжималось от жалости и злости – злости, потому что это так несправедливо! Иногда в приступах отчаяния мама думала, что гуманнее было и вовсе не рожать Еву.

Ева воровала эти мысли, и мама, зная о ее даре, старалась так не думать. Но не всегда выходило. Она рыдала, и Дуг затыкал уши, замирая от жалости и горя при виде страданий двух самых близких ему людей.

«Гуляния» по кораблю, как и воровство чужих мыслей, убивали Еву, они старили ее и забирали все жизненные соки. Чем старше она становилась, тем сильнее болела ее голова. Еву почти всегда тошнило и часто рвало.

Дуг не понимал, что ему делать. Он внушил себе, что в медотсеке должны что-то знать.

Очень многое ставило их обоих – и Дуга, и Еву – в тупик. Матери они старались не рассказывать ничего, что могло испугать или расстроить ее еще больше. Например, Ева не всегда могла понять, где кончается реальность и начинаются ее сны. Как отличить кошмар от настоящей опасности, которую удалось подсмотреть в чужих головах?

Дуг выведал у Религиозных – тех, кто верил в Прибытие Ковчега и молился за здоровье всех плывущих, от детей трюма до самого Капитана (они верили, что сила их мысли и рифмующихся слов, заученных наизусть, – это называлось молитвой – может повлиять на исход дела), что в снах можно разобраться по специальным книгам – сонникам. Он достал такую книгу, но на поверку она оказалось полной чушью, Ева качала головой и говорила: то, что там описано, маловероятно. К примеру, почему, если снится паук, это должно означать, что кто-то принесет тебе благую весть или письмо? Где логика?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.